

ГЛАВА VI ПОЗДНИЙ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРИЗМ

«ДОЛЖНО ПОВИНОВАТЬСЯ, А РАССУЖДЕНИЯ СВОИ ДЕРЖАТЬ ПРО СЕБЯ»

Воспроизводственный процесс, опирающийся на идеал всеобщего согласия, разрушался, социальные отношения превращались в конфликт, возрастала социальная дезорганизация, что усиливало массовое ощущение роста дискомфорта состояния. Это неизбежно вызывало массовую инверсию, стремление отойти от господствующего идеала, инверсионным образом перейти к противоположному. Господство идеала всеобщего согласия сложилось в результате вялой инверсии как реакция на поражение крайнего авторитаризма. Теперь начался обратный процесс, обратная инверсия к авторитаризму. Этот процесс также носил вялый характер. Это была ограниченная флюктуация в рамках большой обратной инверсии, противоположной ушедшей в прошлое прямой инверсии от соборности к авторитаризму. Однако вера в царя как гаранта от хаоса, от бунтовщиков-начальников, царя как воплощения высшей Правды пока что вновь начала становиться первостепенной. На этой основе господствующее место занял массовый идеал *позднего умеренного авторитаризма*.

Авторитаризм, хотя и оттесненный господствующим идеалом, никогда не исчезал. Например, вскоре после прихода к власти Екатерины II, в июне 1763 года, был обнародован манифест, где отмечалось, что среди подданных государыни появились «развращенных нравов и мыслей люди», которые позволяют себе рассуждать о делах, совсем до них не принадлежащих. В манифесте им предлагалось замолчать и заняться своими собственными делами. «А если сие Наше матернее увещание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратит на путь истинного блаженства, то ведал бы всякий, что Мы тогда поступим по всей строгости законов и

неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть Нашего гнева, яко нарушители тишины и презрители Нашей высочайшей воли». Следовательно, нарушение согласия сознательно воспринималось правящей элитой как сигнал, требующий обращения к авторитаризму.

Сильная авторитарная инверсия возникла в достаточно широком образованном слое, в духовной элите. Такие люди, как Пушкин, Гоголь, Тютчев, Вяземский, Жуковский, Надеждин, а также в определенный период Бакунин и Белинский, не противопоставляли себя авторитаризму. Само стремление Пушкина к слиянию представлений о государстве и свободе означало, что духовная элита в принципе принимала и поддерживала авторитарную государственность. Гоголь полагал, что весь смысл нашей истории в царе. «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо, клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного, дабы один был в силах произвести этот знаменитый переворот всего в государстве, все потрясти и, всех разбудивши, вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на самого себя, без которого невозможно человеку разобрать, осудить самого себя и воздвигнуть в себе самом ту же брань всему невежественному и темному, какую воздвигнул царь в своем государстве...»¹ По крайней мере часть духовной элиты последовательно разделяла древние представления массового сознания о зависимости человека от внешних сил, от Отца, берущего на себя ответственность за все.

Крестьянство предоставляло царю попечение о государстве, пытаясь ограничить свои заботы о большом обществе минимумом, — главным образом, действиями, связанными с борьбой против внешнего врага. Существование раскола сводило к минимуму взаимопонимание между народом и властью, делало активизацию каждого из этих полюсов фактором роста дискомфорта состояния. Действия, высказывания, намерения, ценности власти в глазах народа и действия народа в глазах власти вызывали взаимный страх, выглядели как нечто иррациональное, не поддающееся пониманию, прогнозу и, следовательно, опасное.

Для дворянства, которое составляло важный элемент государственности, складывалась неблагоприятная атмосфера. Оно все больше выглядело между крестьянами и царем «третьим лишним», что вовсе не означало, что их государственные функции были не нужны или их мог выполнять кто-либо другой. Теперь народ уже не мог отождествляться с дворянством,

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями// Собр. соч. в 8-ми томах. М., 1984. Т. 7. С. 222-223.

как это было при Екатерине II. Власть должна была думать об организационном воплощении нового идеала, о решении медиационной задачи в изменившихся условиях, в условиях роста значимости локализма не столько в формах сообщества среднего уровня, сколько в формах низовых сообществ, крестьянских миров. Но это означало необходимость авторитаризма, следования стремлению крестьян освободиться от начальства, вступить в непосредственные отношения партиципации к царю-батюшке. Этот импульс пронизал все общество.

Ориентация на авторитаризм получила воплощение в длительном согласии общины на авторитарную власть над собой вотчины. Не было активного стремления общин освободиться от авторитарной власти вотчины, что ясно видно, например, из книги В. А. Александрова².

Николай I (1825-1855) начал свое правление в момент декабрьского восстания. «Ужас правительства был тем более велик, что оно обнаружило, с одной стороны, что все элементы дворянства и военной иерархии замешаны в заговоре, и что, с другой стороны, оно осознало отсутствие всякой реальной связи между собой и древним народом, оставшимся русским»³. Первыми его актами были подавление восстания и казнь руководителей. На фоне исторического опыта России действия власти вряд ли можно оценить как слишком жесткие. Из 39 человек, приговоренных к смерти, казнено было пять. Страх перед возмущениями диктовал линию поведения в период нового царствования. Уже в первом обращении к народу 12 мая 1826 года Николай I потребовал немедленного прекращения толков о свободе и отмене платежей. Принцип умеренного авторитаризма был сформулирован самим царем: «Ни хвалить, ни бранить наши правительственные учреждения, *для ответа на пустые толки*, не согласно ни с достоинством правительства, ни с порядком у нас, к счастью, существующим. Должно *повиноваться*, а рассуждения свои держать про себя». Ему же принадлежат слова: деспотизм «составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации»⁴. Интересно, что царь видит обоснование правомерности авторитаризма (деспотизма) в его почвенном характере. Еще более важно, что авторитаризм явно не рассчитан на веру в него всех. Требуется лишь, чтобы никто не высказывал вслух своих сомнений. Это свидетельствовало о том, что власть не могла и

² Александров В. А. Сельская община и России (XVII — начало XIX в.). М., 1976.

³ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Пг., 1917. Т. 6.

⁴ Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1865 гг. СПб., 1908. С. 142.

не была склонна вернуться к синкретизму и полностью расстаться с либерализмом. Возражение против возможности хвалить правительство свидетельствовало не только о страхе перед диалогом, но и о признании реальности внутреннего духовного мира, неподвластного начальству, о признании реальности разномыслия. Господство нового идеала охватывает шестой этап развития большого общества, государственности в России. Его можно рассматривать как господство *шестой версии вечевоего идеала. Либерализм был разгромлен и отброшен, но не уничтожен.*

Важнейшим проявлением усиления авторитаризма был рост значения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Широко известное третье отделение этой канцелярии заведовало политическим сыском. Однако агентура этого учреждения была очень слаба. В центральном аппарате в момент его организации работали 16 человек. В лучшие времена для отделения их количество возросло до 45. Происходила дальнейшая бюрократизация государственного аппарата, ликвидация остатков коллегиальности в центре и на местах. Права Государственного совета, значение которого существенно возросло после его преобразования в 1810 году, всячески ущемлялись. Правящая элита пыталась в максимальной степени сместить ответственность вверх. Известный журналист М. Катков (1818-1887) удачно выразился об администрации того времени, что она была «всё во всём», присвоила себе атрибуты, подходящие одному лишь всемогущему божеству⁵.

Наступающий авторитаризм опирался на силу, что в конечном итоге всегда требует согласия народа предоставлять эту силу и ее терпеть. Любопытно, что именно для военных была ясна ограниченность возможностей силы. Об этом свидетельствовали донесения офицеров — участников подавления беспорядков на местах. Например, по докладу флигель-адъютанта Сумарокова, войска оказались непригодны для принуждения крестьян к работе, кроме как на пашне. Опасно и сближение крестьян с солдатами. Жандармский офицер Ф. Загорский указывал на серьезную опасность использования для усмирения крестьян большого числа понятых. И т. д.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ

Низкая продуктивность сельского хозяйства, основной отрасли хозяйства страны, становилась все более острой проблемой. Увеличение его производства объяснялось в значитель-

⁵ Московские ведомости. 1866. № 198.

ной степени ростом населения. Однако производство не поспевало за этим ростом, за растущими потребностями общества. За два века — с середины XVII до середины XIX — урожайность повысилась едва на 9-10%, в том числе за последние 50 лет этого отрезка — на 1,4%⁶. В начале 30-х годов все чаще повторялись неурожайные годы. Подавляющее большинство работоспособного населения деревень не могло прокормиться собственным хозяйством и искало посторонних заработков. «Основная масса мелких сельских производителей оставалась во власти традиционных приемов полеводства, была бессильна применять систематическое удобрение полей, производить осушение и орошение почвы, покупать улучшенные сорта семян, повышать количество и качество скота». Налицо была общая «застойность сельскохозяйственной техники, низкая урожайность полей, плохое содержание скота и общая бедность государственной деревни. Периодические неурожай, массовые эпидемии, постоянные эпизоотии и хроническое нищенство наиболее нуждавшегося слоя крестьян были характерными явлениями 40-50-х годов XIX века. Еще тревожнее было начавшееся оскудение природных ресурсов и в северных, и в центральных, и в южных районах: истощение когда-то плодородной почвы, сокращение количества пушного зверя и рыбы, относительное уменьшение лугов и пастбищ, вырубка и недостаток лесов, когда-то процветающего пчеловодства». Почти безраздельно господствовала традиционная трехпольная система⁷.

В этой связи весьма любопытен следующий факт, относящийся к 1834 году. Жители села Коробова за заслуги своего предка Ивана Сусанина еще в Смутное время были поставлены в исключительно привилегированное положение. Они были освобождены от податей. Чиновники и полиция могли въезжать в село только по специальному разрешению правительства. Решение это неукоснительно выполнялось. Правительство невольно поставило длительный эксперимент. В 1834 году царь лично обратил внимание на исключительную бедность этой деревни. Льготы «были причиной слабого развития как Коробовского населения, так и самого благосостояния этих людей... Свобода от всех обязанностей... почти неограниченное изъятие от влияния всех местных властей, обеспеченность в пользовании пространством земли, достаточным, однако, для поддержания насущного существования, все это, вместе взятое, заставило их мало заботиться об улучшении своего

⁶ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 147.

⁷ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: Реализация и последствия реформы. М., 1958. Т. 2. С. 321, 575-576, 347.

положения и довольствоваться спокойным и свободным пользованием скудных средств своих»⁸.

Застой в хозяйстве вел к нарастающей социальной дезорганизации, что заставляло правящую и духовную элиты искать выход из создавшейся ситуации. Уже в 80-х годах XVIII века была осознана необходимость хозяйственного подъема, что предполагало выдвигание идеи ликвидации поземельной общины, введение мелкой земельной собственности, наследственно-индивидуального землепользования. В 30-х годах XIX века появились проекты постепенного преобразования помещичьих крестьян в «свободных сельских обывателей», установления над всеми крестьянами системы «попечительства». На этой основе и родилась идея реформы, которую сформулировал и проводил в жизнь министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, занимавший этот пост в течение 19 лет.

Реформированию подлежало управление государственными крестьянами. В административных положениях 1837-1841 годов заложено стремление к всестороннему преобразованию государственной деревни, где проживала примерно половина крестьян. Государственные крестьяне, сословие которых было образовано указами Петра, отбывало повинности, подчиняясь непосредственно органам власти. Замысел реформы заключался в том, чтобы на основе ее позитивных результатов приступить к преобразованию частновладельческой деревни. Реформа была направлена на экономическое развитие деревни, предусматривала сложную систему государственных мероприятий: ликвидацию крестьянского малоземелья, введение более совершенной системы фискального обложения, повышение производительных сил, различные агрономические и культурно-бытовые улучшения, облегчение для крестьян занятий мелкой промышленностью и торговлей. В числе мероприятий предусматривались введение жребия при осуществлении воинской повинности, частичное наделение землей малоземельных селений, организация вспомогательных и сберегательных ассоциаций устройства сельского хозяйства, организация выставок, садовых питомников, случных конюшен. Планировались распространение грамотности, оказание врачебной и ветеринарной помощи, борьба против крестьянских пожаров. В конечном итоге ставилась задача снять различия между категориями государственных крестьян и обеспечить широкий сбор статистических сведений о положении государственной деревни.

⁸ *Вешняков В. И.* Белопашцы и обельные вотчинники и крестьяне // Журнал министерства государственных имуществ. СПб., 1859. № 5. С. 108.

Предусматривался также перевод натуральных повинностей в денежную форму⁹.

Другие действия правительства охватывали помещичьих крестьян. В 1826 году вышло Высочайшее повеление об истреблении всех железных вещей, употребляемых для истязания. В период с 1838 по 1853 год было взято под опеку 592 имения за жестокость помещиков по отношению к крестьянам. Например, в 1849 году специальным указом были преданы суду предводители дворянства двух уездов за допущение помещиков и их жен «к чрезмерному жестокому обращению с крепостными людьми их». Правительство усиленно занималось крестьянским вопросом; за время царствования Николая I было учреждено девять секретных комитетов в целях подготовки ряда реформ, в большинстве своем связанных с положением крестьянства.

Следует отметить закон, требующий предоставления крестьянам минимального надела в 4,5 десятины на душу. За его нарушение помещику грозила конфискация имения. Было запрещено продавать крестьян отдельно от семьи, а также без земли, отдавать крестьян на заводы, ограничено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь, запрещено сдавать в аренду земли, населенные крестьянами. Министерству государственных имуществ предоставлялось право приобретения помещичьих крестьян. Не решая проблемы в целом, все эти мероприятия меняли нравственную и юридическую сторону взаимоотношений помещиков с крестьянами. Были подорваны нравственные основы — основы отношения к крестьянам как к одному из видов собственности. Один из законов содержал мысль, совершившую переворот в оценке социального статуса крестьянства: он предусматривал отказ от принципа оплаты личной свободы крестьянина при его освобождении. Не нанося дворянству заметного экономического ущерба и не слишком ущемляя его политически, медиатор пытался выйти на прямую связь с крестьянством.

Такая политика имела ряд существенных результатов: дворянская версия крепостничества, занимавшая преобладающее положение с 1762 года, потеряла свои позиции. В. Ключевский полагал, что установление взгляда на крепостного прежде всего как на подданного государства является «важным результатом, который сам по себе мог бы оправдать все усилия, потраченные Николаем на разрешение крестьянского вопроса»¹⁰. Николаевский режим ставил своей целью прекращение дворянского произвола в тех его проявлениях, которые

⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 7, 3, 573, 38.

¹⁰ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 278-279.

наиболее раздражали крестьян. В то же время эта политика ослабляла влияние дворянства на государственную жизнь. *Правящая элита в рамках авторитарного режима делала робкие движения в сторону либерализма.*

РАСКОЛ САМОСОЗНАНИЯ

Общество медленно шло по пути прогресса, и правящая элита не могла хотя бы смутно не осознать это, она должна была, в интересах государства, стремиться к прогрессу, явно или тайно. Именно поэтому в стране легально существовала духовная элита, могла развиваться величайшая литература. Правящая элита нуждалась в просвещенных людях. Либеральная интеллигенция была склонна сотрудничать с властью, с тем чтобы смягчить крайности ее деятельности, чтобы предложить правящей элите, а через нее — и обществу либеральную систему ценностей. Правящая элита стремилась привлечь интеллектуальные силы, в частности Пушкина. На государственную службу был вновь приглашен граф М. Сперанский, представивший Александру I еще в 1816 году записку «О постепенном уничтожении рабства в России». Президент Академии наук (1818-1855), министр просвещения (1833-1849) С. Уваров пытался сочетать политику просвещения с полным его подчинением задачам государства. Отсюда его предписание: «Каждый из профессоров должен употребить все силы, дабы сделаться достойным орудием правительства».

Духовная элита, однако, сама не была в достаточной степени способна дать нравственное и теоретическое основание для политики правительства, для вывода страны из состояния раскола. Более того, раскол проник и в духовную элиту. Произошел *раскол самосознания*, проявившийся прежде всего в *расколе духовной элиты*. В результате рефлексии реального раскола сознания она предложила две противоположные его версии: *славянофильство и западничество*.

Оба направления болезненно переживали раскол с народом и видели в своих идеях средство его преодоления. Славянофил А. И. Кошелев (1806-1883) писал: «Все мы ощущали и сознаем необходимость прекращения разрыва интеллигенции с народом, разрыва, вредного для обоих, равно их ослабляющего и препятствующего самостоятельному развитию России»¹¹. И тех, и других угнетала, говоря словами Ф. Достоевского, «бездна между благородным и простолюдином». *Славянофилы* пы-

¹¹ Цит. по: Уланов В. Я. Славянофилы и западники о крепостном праве// Великая реформа. СПб., 1911. Т. 3. С. 176-177.

тались преодолеть раскол, углубляясь в народную почву. Для А. Хомякова (1804-1860), которого Н. Бердяев назвал камнем славянофильства, отношения Востока и Запада, раскол между ними — основная проблема русской истории. Это был помещик, который и в своих воззрениях, и в образе жизни пытался воспроизвести, реализовать древние идеалы патриархальной жизни. Раскол стал уделом русского общества, по мнению Хомякова, потому, что образованный слой, правящий класс, дворянство изменили русскому духу и, как Антей, должны были прикоснуться к матери-земле, чтобы набраться сил. *В этом движении самосознания к почве и заключалась сила славянофильства, столь мало оцененная современниками.* Н. Бердяев считал их основоположниками «нашего национального самосознания». «С них начинается перелом русской мысли», — говорил А. Герцен. И. Киреевский (1806-1856), один из отцов славянофильства, писал: «Наша философия должна развиваться из текущих вопросов и господствующих интересов нашего народного бытия». По словам М. Гершензона, мышление идеологов славянофильства Киреевского, Хомякова, Кошелева, Самарина оказалось «каналами, через которые в русское общественное сознание хлынуло веками накапливавшееся, как подземные воды, мироощущение русского народа». Свое внимание славянофилы сосредоточили на анализе исторически сложившегося сознания, культурных стереотипов, мировосприятия русского человека. Для И. Киреевского, как и для Пушкина, идеалом является целое, постигаемое эмоционально. Славянофилы, как и Пушкин, пытались рассматривать русскую культуру как нерасчлененную.

Однако углубление в ценности народной почвы привело славянофилов к отрицанию государства, большого общества, к идеалам жизни, чуждым и не соответствующим достигнутому мировому опыту. По словам Бердяева, славянофилы хотели навеки утвердить «безвластный, пассивный, неволевой характер русского народа». Они выступали как выразители массового сознания — «не государственного, не формалистического, мало склонного к политическому строительству». Фактически, признавая правомерность государства, славянофилы тем самым уже отступали от идеалов почвы. Они пытались выйти из этого противоречия, истолковывая государственность в почвенном духе. Как говорил Бердяев, их монархизм носил не государственный, а анархический характер. Славянофилы были сторонниками самодержавия не потому, что народ любит власть, а потому, что народ «отказывается от политической мощи». Следуя массовому сознанию, славянофилы дорожили русской общиной, связывали с ней будущее Рос-

сии, весь духовный облик русского народа. «Без общины не может существовать дух России», несмотря на то, что в русской общине заложено «исконно языческое начало»¹².

Славянофилы стремились строить государственную жизнь на основе догосударственных ценностей, локальной конструктивной напряженности. А. Хомяков, уверенный, что его имение передано ему народной сходкой в целях общего народного блага, питал непоколебимое доверие к решениям общины, к вечевым формам народной жизни. Все общественные отношения интерпретировались как семейные, т. е. сводились к взаимоотношениям отцов и детей, включая отношение царя к своему народу. Отношения власти с народом лишь тогда нравственны, считал он, когда они носят патриархальный характер. Даже отношения в промышленности предлагалось организовать на патриархальных началах: фабрикант — отец, рабочие — дети. Политический идеал Хомяков ищет в сельской общине и в народно-патриархальной монархии, что делает его позицию непримиримой по отношению к бюрократии, государственной службе. Реальная бюрократия и абсолютизм рассматриваются им как измена русским традициям и целиком относятся к петербургскому периоду истории; власть не служит христианской правде, ее разрыв с народом является роковым. В отличие от Карамзина Хомяков склоняется к соборной интерпретации патриархальной модели. Идеал Хомякова распространялся на все общество, включая взаимоотношения помещиков с крестьянами, так как земледелец «был искони помещику родным кровным братом». Инициативу ликвидации раскола обязан взять на себя правящий и образованный класс, который сам должен вернуться к утраченным им патриархальным идеалам народа, вплоть до усвоения быта крестьян. Необходимость приобщения к жизни крестьянства обоснована тем, что в ней заложены нравственные основы общества, она олицетворяет идеал социальной и духовной жизни. Возвращение к целостной жизни с ее национальными и религиозными началами представляется Хомякову условием и средством преодоления раскола.

Славянофильство воспроизводило господствующее в массовом сознании двойственное отношение к власти. Оно противопоставляло государство как внешнюю Правду внутренней нравственной Правде народа, общины, земства, вечевского начала. «Русский народ по преимуществу есть народ не государственный»¹³. Народ отказывается от государственной жизни во

¹² Бердяев Н. А. Хомяков. М., 1912.

¹³ См.: Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889. Т. 1. С. 242, 245; Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1914. Т. 3. С. 282.

имя общественной, он передал государству сферу политики, так как ищет свободы нравственной, духовной. Общественную жизнь Хомяков понимает как бытовую и семейную. Власть избавляет народ от антипатичной ему жизни политической. Здесь любопытно не только противопоставление народа власти, но и само признание правомерности такого противопоставления. Славянофилы, говоря о своей любви к царю, целиком стояли на позиции самодержавия и в то же время выступали, вопреки здравому смыслу, против всевластия чиновников. Они предлагали сформировать среднее организационное звено — земский собор, земскую думу. По мнению братьев Аксаковых, царю было бы полезно в критических условиях совещаться с сословиями о предметах, их непосредственно касающихся, но это не предполагало ограничения царской власти. *Фактически славянофилы санкционировали раскол общества и государства, пошли по линии апологетики своеобразного сложившегося в стране двоевластия — власти царя в сфере государственной и мирской власти на местах.* Такая позиция требовала, однако, ответа на вопрос: каким образом могут быть разрешены конфликты между двумя формами власти? Для славянофилов согласие между ними было чем-то естественным. По мнению И. Аксакова (1823-1886), власть в стране, в противоположность европейской, утвердилась с согласия народа, согласие это явилось выражением самой нравственной жизни русского народа. Однако закрывать глаза на возможность конфликтов между ними было невозможно. Решение, предложенное И. Аксаковым, было неподражаемо в своей доктринерской наивности. «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет добра, чем стоять с помощью зла». В сущности, здесь налицо *банкротство идеи согласия, идеи двоевластия, капитуляция перед реальностью раскола.*

Приверженность славянофилов монархии была весьма условной, так как они, как и народ, верили в царя, но были против начальства, чиновников, т. е. фактически против государства. Вера в царя сочеталась с убеждением, что «государство как принцип — зло... государство есть ложь», «правительство, а с ним верхние классы отделились от народа и стали ему чужим»¹⁴. «Все зло происходит от угнетательской системы нашего правительства», — писал К. Аксаков (1817-1860) в 1855 году. «Славянофилы и Хомяков не говорили прямо и не могли прямо сказать, что историческая власть у нас не народная, чуждая власть, но они думали это, все их ученье вело к

¹⁴ Теория государства у славянофилов. СПб., 1898.

этому выводу»¹⁵. Фактически они переводили массовые представления о государстве как о силе зла на язык образованного слоя.

Славянофилы стремились развивать высшую культуру на основе почвенных ценностей. Некритическое отношение к массовому сознанию, его апологетика, двойственное отношение к власти вело славянофилов к переводу ценностей синкретизма на язык большого общества. В лице славянофильства духовная элита осознавала свое назначение носительницы и хранительницы исторических ценностей народного духа, почвы как основы духовного и любого другого движения вперед. Но одновременно налицо попытка низвести высшую культуру до уровня массового синкретического сознания, что открывало путь развитию какого-то промежуточного слоя культуры, смешению высшей культуры и массовой народной культуры. Но тем самым и само славянофильство раздваивалось. Оставаясь достоянием высшей культуры, оно одновременно превращалось в систему расхожих представлений. Просчет славянофилов заключался в том, что, преклоняясь перед определенными аспектами массового сознания, они не знали пути построения реальной государственности на основе локалистского сознания, пути его соединения с реальными потребностями воспроизводства большого общества. *Вместо государственности они защищали утопию крестьянского государства во главе с царем, но без государственного аппарата. Они пытались ввести в высшую культуру антигосударственные мифы массового сознания. Тем самым славянофилы углубляли основное заблуждение интеллигенции, т. е. слепую веру в народ, который они, по словам Бердяева, отождествляли с простонародьем*, представление, что народ, освобожденный от власти, начальства, бюрократии, способен дать высочайшие образцы творчества, построить идеальное общество Правды. Славянофилы практически игнорировали всю бездну проблем, вытекающих из несоответствия между массовым догосударственным сознанием и реальной государственностью. Следовательно, они не только обезоруживали общество перед реальным расколом между народом и властью, перед ростом раскола, но и нарушали свой долг духовной элиты, пытаясь превратить утопические представления народа о власти и царе в официальную основу политики государства и всех сил общества. Объективно они консервировали низкий уровень рефлексии, отказываясь от критики народной культуры, сосредоточивая критику лишь на государственности. Но это значит, что

¹⁵ Бердяев Н. А. Хомяков.

они толкали страну по пути усиления социокультурного противоречия между культурой народа и властью во все более сложных условиях.

Западники, в отличие от славянофилов, осознавали необходимость изменять жизнь народа вместе с изменениями, происходящими в масштабах человечества, невозможность неизменности жизни в изменяющемся мире. Здесь истоки мощной критики ими действительности, официального мира. Западников поражало противоречие между идеалами высшей культуры и реальностью. Там, где славянофилы видели позитивные ценности, западники находили лишь невежество, насилие и страдания. Критика западников служила делу обновления общества. Т. Грановский (1813-1855) в своих лекциях в Московском университете говорил о том, какой большой «долг благодарности лежит по отношению к Европе, от которой мы даром получили блага цивилизации и человеческого существования, доставшиеся ей путем кровавых трудов и горьких опытов»¹⁶. Ограниченность этих рассуждений заключалась в том, что культурные плоды нельзя использовать так, как используются реальные плоды. Их нельзя просто взять — их нужно освоить в процессе воспроизводительной деятельности, которая по своему уровню, культурному содержанию близка к уровню, достигнутому деятельностью, создавшей эти плоды. Если уровень осваивающей деятельности отстает, то эти плоды иной культуры могут быть восприняты в лучшем случае односторонне. То, что в одной культуре — проявление творческой самооценности человеческой деятельности, в другой может стать всего лишь условием жизни. Например, город в одной культуре — результат и сфера творчества, в другой — место прожигания жизни. Чужие плоды могут быть средством, например, микроскоп может быть использован для забивания гвоздей (образ братьев Стругацких). Такое освоение чужой культуры не только не позитивно, но и вредно, даже опасно.

Идеи Запада в России неизбежно приспособлялись к национальной культуре. Западные идеи дробились, перемалывались и помогали рационализации тех или иных элементов массового сознания, стимулируя развитие высшей культуры.

Наиболее видным западником был Петр Чаадаев (1794-1856). Чаадаев рассматривает раскол России и человечества как драму страны и каждой личности: «Необходимо, чтобы каждый из нас сам пытался связать порванную нить родства»¹⁷ со всем человечеством, со своим прошлым. С его точки зре-

¹⁶ См.: Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1881. С. 75.

¹⁷ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 195.

ния, национальное самосознание формируется в процессе совершенствования и единения отдельных личностей.

Но тем самым Чаадаев возлагает громадную нравственную ответственность на духовную элиту. Он углубляет старую идею о единстве всего человечества. Отсюда несогласие со славянофильством, препятствующим, по мнению Чаадаева, созданию из человеческого рода одного народа братьев.

Чаадаев выдвинул идею единого человечества, единства целей и путей нравственного совершенства, единства духовного и физического миров. То обстоятельство, что человечество нездорово, он объясняет нарушением этого органического единства. Трагизм судеб России он связывает с оторванностью от человечества: «Опыт времен для нас не существует... Здесь сведен на нет всеобщий закон человечества. Одинокое в мире, мы миру ничего не дали, мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось... Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унизительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала,— вот печальная история нашей юности... Я не перестаю удивляться этой пустоте, этой удивительной оторванности нашего социального бытия»¹⁸. «В противоположность всем законам человеческого общежития Россия шествует только в направлении своего собственного порабощения и порабощения всех соседних народов»¹⁹. Итак, цельность России есть то, что еще должно быть достигнуто. Чаадаев признавался, что «любит в своей стране лишь ее будущее»²⁰.

Эта идея и явилась важнейшей в западничестве. Страдания Чаадаева, его тревоги о судьбах России достигают крайнего накала. Чаадаев — своеобразный подвижник нравственности, пренебрегший карьерой, отдавший свой интеллект делу создания собственной версии будущего России. Его путь — путь одиночки. Нравственный и интеллектуальный прогресс в русле христианства, преодоление провинциализма православия, воссоединение России с человечеством — основное для Чаадаева.

Сила западничества состояла в том, что оно ориентировалось на мировую культуру, на идею государственности, на науку как средство совершенствования общества. Развивая идею прогресса, западники защищали жизненно важный для

¹⁸ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч... Т. 1. С. 330, 323, 324, 330-331.

¹⁹ Там же. С. 569.

²⁰ Там же.

страны, для существования государственности тип конструктивной напряженности.

Слабость западничества была в том, что оно, указывая пути и цели прогрессивного развития общества, однако, не могло выявить реальных основ для этого движения в самой почве, в массовом сознании и деятельности. Отсюда абстрактность, отсутствие неутопического перехода от реальности к идеалу. В противоположность славянофилам западники недооценивали массовые реальные ценности и переоценивали все, что, как казалось, должно приводить к росту и развитию общества, от просвещения до государственности, от демократии до террора, от науки до идеологии. Славянофилы не могли показать путь решения медиационной задачи, так как не были озабочены несовпадением реальной государственности с народной мифологией, но становились на почву этой мифологии, пытаясь ее рационализировать. Однако западники также не могли предложить реализуемый вариант решения медиационной задачи. В споре государственности и народной мифологии они заняли противоположную сторону, т. е. стали на сторону государственности (не обязательно той, которая реально существовала в то время), игнорируя значимость для государства содержания массового сознания. И те, и другие с разных сторон толкали общество к обострению социокультурного противоречия.

Славянофилы и западники воплощали раскол своей неспособностью к синтезу расколотых частей самосознания. Борьба этих двух течений русской элитарной мысли свидетельствовала о том, что два типа конструктивной напряженности обратились друг против друга и на элитарном уровне, что духовная элита оказалась неспособной дать власти и оппозиции реальное нравственное основание для конструктивных решений, преодоления раскола.

Борьба славянофильства и западничества — не эпизод в истории духовной жизни России. Она — модель жизни духа в расколотом обществе. Принципиальная возможность синтеза заключалась в амбивалентности славянофильства и западничества как амбивалентности полюсов самосознания. До конца последовательное самоуглубление славянофильства должно привести к западничеству, так как глубокое укоренение в почву неизбежно приводит к выводу, что развитие почвы необходимо для самого ее сохранения. Вместе с тем, развитие и изменение общества возможны лишь как почвенный процесс, его реальное содержание. Тем самым до конца последовательное самоуглубление западничества неизбежно приводит к славянофильству. Раскол мешал этому самоуглуб-

лению. Эти теоретические соображения свидетельствуют о возможности синтеза. Для него требовался высокий уровень медиации, отказ от господства логики инверсии, на что духовная элита оказалась не способна. Славянофильство и западничество не осознали себя как равноправные взаимопроникающие голоса диалога.

Тем не менее раскол самосознания имел и позитивный смысл. Пушкин, как подметил В. Соловьев, легко мирился с противоречием. Он даже не подозревал, что в противоречии есть задача, требующая решения. Резкий разлад между творческими и житейскими мотивами был у него чем-то окончательным, не затрагивал сферу нравственности. Раскол самосознания изменил положение. Он подвел к осознанию этого противоречия как к задаче, требующей решения на путях анализа, формирования срединной культуры, углубления медиации.

«ТАИНСТВЕННЫЕ СТРУИ НАРОДНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ»

Не следует забывать, что в конечном итоге битвы, раскалывающие самосознание, как и мучительные попытки власти решать медиационную задачу, были, по сути, формами экстраполяции и интерпретации того, что происходило в океане массового сознания. В глубинах народного сознания шли сложные и исключительно важные процессы. Л. Толстой писал: «Между ними (крестьянами.— А. А.) всегда ходили какие-нибудь неясные толки, то о перечислении их всех в казаки, то о новой вере, в которую их обратят, то о царских листах каких-то, то о присяге Павлу Петровичу в 1797 году (про которую говорили, что тогда еще воля выходила, да господу отняли), то об имеющем через семь лет воцариться Петре Федоровиче, при котором все будет вольно и так будет просто, что ничего не будет. Слухи о войне и Бонапарте и его нашествии соединились для них с такими же неясными представлениями об антихристе, конце света и чистой воле»²¹. Толстой говорил о том, что существуют «таинственные струи народной русской жизни, причины и значение которых бывают необъяснимы для современников»²².

Народ видел во власти силу стихийную и бессмысленную, действия которой не поддаются объяснению. Ее решения навя-

21 Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3. Ч. 2// Собр. соч. в 12-ти т. М., 1987. Т. 5. С. 150.

22 Там же.

зываются силой. Она не способна ни понять, ни даже услышать возражения. Например, такой шаг, как царский рескрипт о злоупотреблениях помещиков в отношении крепостных, мог получить в глазах крестьян значение «грамоты» о воле и привести к эксцессам. Архаичное сознание склонно воспринимать с доверием слухи, которые элитарному сознанию представляются абсурдными; так, распространялись слухи, что в определенной местности выдают паспорта на проезд в какие-то земли на вольные поселения. Люди продавали имущество, покидали родные места, стремясь добраться до обетованной земли. Их силой возвращали обратно. Сам акт благодарности Александра I русскому народу за победу в войне над Наполеоном был воспринят многими как акт освобождения: «Царское спасибо только вольный человек может получить, а не раб». В манифесте от 12 мая 1826 года крестьянам предписывалось «беспрекословно повиноваться установленным над ними властям». В народе это объяснялось тем, что «господа принудили царя издать оный», а то обстоятельство, что манифест велено читать в течение шести месяцев, трактовалось среди городских низов, дворовых и кантонистов так, что «только шесть месяцев господа будут владеть нами, а там мы будем вольные». Причиной волнения на фабрике князя Гагарина в 1826 году был слух «об ожидаемой к весне вольности». Большое распространение получали слухи о подкупе тех или иных должностных лиц господами, о сочинении господами подложных царских указов. Реакция населения на уже упоминавшийся манифест Николая I была не слишком обнадеживающей. Крестьяне не только оставались непреклонны и упорны в своих требованиях, но, что особенно важно, каждый раз выражались сомнения в подлинности самого манифеста: «Вольно-де господам было написать оный», «много мы слышали таких указов». О том, что думали крестьяне о начальстве, можно судить, например, по распространявшемуся в 1839 году слуху, что наследник женится на дочери султана и на радостях будет сожжено три губернии²³.

Реальность постоянно интерпретировалась через представления о злых оборотнях. Во время эпидемии холеры в 1831 году народ искал реальных живых виновников этой болезни, людей, которых они отождествляли с холерой. Естественно, что такими людьми могло быть начальство и интеллигенция. Ходили слухи, что доктора и начальство рассыпают по дорогам яд, отравляют хлеб и воду. Эти слухи привели к восстанию солдат, к которому затем присоединилось население города

²³ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. М., 1961. С. 347.

Старая Русса (Новгородская губерния). Восставшие избивали фельдшеров, лекарей, офицеров, разграбили аптеку, присутственные места, квартиры начальствующих лиц. Бунт распространился по соседним поселениям. Толпы людей охотились за докторами, офицерами и даже унтер-офицерами, требуя у них признания в том, что они отравили воду. Более ста офицеров, врачей и начальствующих лиц умерло от побоев. В совершенной искренности действий мятежников не приходится сомневаться. После организации управления в захваченных округах мятежники отправляли депутатов в Петербург с докладом об истреблении изменников и отравителей. В 50-х годах распространился слух, что крепостная зависимость автоматически прекращается со смертью помещика. Это привело к росту покушений на их жизнь. Массовые слухи приводили подчас к совершенно неожиданным последствиям. Например, участились слухи об освобождении за особые заслуги — за службу в резервной гребной флотилии Балтийского моря, за участие в строительстве Петербургско-Московской железной дороги, за военную службу. Говорили, что царь обещал вольную, освобождение от рекрутских наборов и налогов. Множество семей снималось с места, чтобы достичь желаемой цели. Летом 1856 года распространился в южных губерниях слух, что в Перекопе в золотой палате сидит царь и явившимся лично раздаёт волю. Отсутствующим или опоздавшим воли не дают. Последняя деталь особенно характерна для типа мышления, не ведающего других отношений, кроме чисто личных. Возник слух о выдаче пособий беглым крепостным для поселения в разоренных крепостях Крыма, вызвавший массовое самовольное переселение в Крым населения из многих губерний.

Общее напряжение выразилось в усиливавшейся ненависти, которая проявлялась в эксцессах, направленных против тех, кто в глазах крестьян олицетворял враждебные силы — против чиновников, помещиков, евреев. Судя по донесениям полиции, во время так называемых питейных бунтов в одном из уездов Оренбургской губернии несколько человек распространяли слух, что правительство желает уничтожить откупа и ввести вольную продажу вина, что «помещики, вопреки распоряжениям правительства, медлят с освобождением крестьян из крепостной зависимости и что, следовательно, им остается грабить питейные дома, а потом приняться за расправу с помещиками». Росла ненависть к «слугам царя», которые якобы скрывали его распоряжения, утверждалось даже, что зачинщики беспорядков награждены от царя деньгами. В 1839 году в ряде губерний свирепствовали опустошительные пожары из-за весенней засухи. По этому поводу в справке III отделения гово-

рится: «В народе возникли толки о поджогах, и когда в некоторых селениях были учреждены караулы и конные разъезды, то жители, признавая эти меры подтверждением их догадок, распространяли превратные слухи, что поджигают чиновники или помещики для разорения своих крестьян прежде отобрания их в казенное ведомство, или же евреи, из мщения за установление рекрутской между ними повинности. Ожесточенный народ возмущался против властей, ловил на пожарах проходивших и проезжающих лиц, вынуждал от них признание в преступлении побоями и нескольких человек предали пламени». Далее приводится перечень лиц, погибших и пострадавших от самосуда. Крайне любопытно, что материализация слухов о поджигателях пошла гораздо дальше, чем только расправа с попавшимися под руку людьми. Слухи привели к появлению действительных поджигателей. Тот же документ отмечает: «Слухи сии дали повод некоторым лицам к умышленному поджигательству, по злобе или с целью умышленного грабежа»²⁴. Иначе говоря, не слухи были результатом поджогов, но поджоги явились результатом распространения слухов. Воистину, прав был Маркс, говоривший, что «сознание становится материальной силой, когда оно овладевает массами». Мифы массового сознания, получившие массовое распространение, — самая грозная сила в обществе.

На волне слухов возникали массовые движения. Неурожай 1832-1834 годов, холера начала тридцатых годов активизировали и хилястические движения, нацеленные на восстановление царства Божия на земле, «нового Иерусалима». Люди верили в «град сокровенный Китеж», который скрыт «невидимой дланью» от недостойных. Существовала легенда о Беловодье, заселенном беглецами из России, которые искали «древнего благочестия православного священства». Там было якобы изобилие благ, идеальный общественный строй. Синкретическое сознание рассматривало эти земли как нечто реальное. Люди поодиночке и группами до нескольких сот человек пускались на поиски этих земель, подчас имея весьма смутное представление не только о месте, где следует искать «обетованную землю», но и о географии вообще. Продолжала существовать легенда о царях-избавителях. Пользовалась популярностью легенда о великом князе Константине, отказ которого от престола после смерти Александра I был истолкован как результат его стремления к освобождению крестьян. Он якобы потребовал от брата своего Николая устелить ему «дорогу боярски-

24 См.: Крестьянское движение 1827-1869 годов. М., 1931. Вып. 1. С. 31-37; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 343 и след.

ми головами»²⁵. Продолжало существовать самозванство. Так, в 1826 году в Уманском уезде появился некий Семенов, солдат, выдававший себя за майора, «посланного от государя-императора арестовать помещиков и объявить мужикам свободу от повинностей». В сопровождении добровольных помощников он делил между крестьянами помещичье имущество, заковывал в кандалы помещиков, порол управляющих²⁶. В отчете III отделения за 1827 год можно прочесть: «Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя, как евреи своего мессию, и дали ему имя Метелкина. Они говорят: „Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их“»²⁷.

Наряду с анонимными слухами в общий поток народного сознания вливались слова народных проповедников. Некоторые собирали «тысячи народа». Крестьянин Ф. Булгаков (1809-1876) писал о «земном царстве Божии, в котором возрождался земной рай, прекращалась вражда между людьми, исчезает война, перековывается оружие в орудие земледелия». Во второй половине 20-х годов появился труд представителя бегунской секты В. Москвина «Разглагольствование тюменского странника». Эта староверческая секта учила, что от власти надо «бегать и таиться», не подчиняться законам. Бегуны отрицали царя, никонианскую церковь, паспорта и подушную подать, законы, установленные правительством, рекрутчину, армию, деньги, ревизию (т. е. перепись). «Не имети града, ни села, ни дому». Эта секта ярко воплощала антигосударственные ценности широких масс, под названием «истинно православных крестьян странствующих» она существует и сегодня. Москвин провозгласил, что на месте «сокрушенного Вавилона» воздвигнется «новый Иерусалим». Идеи бегунов получили широкое распространение.

Нетрудно видеть, что эти народные представления являются, по сути, проявлением древнего манихейского менталитета, связанного с истолкованием мира через абсолютизацию полюсов добра и зла, с тем, что все негативное идет от злых сил, в данном случае интерпретированных как начальство, помещики, а все позитивное идет от тотема или его потомков, т. е. в данном случае от природного царя. При этом и реальный царь может расцениваться как оборотень, как антитотем, как зло, принявшее обличие царя. Это могло иметь место в

²⁵ Чистов К. Б. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 211.

²⁶ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 39.

²⁷ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 9.

тех случаях, когда действия царя, содержание его указов не соответствовали представлениям о тотеме.

БЕССИЛИЕ РЕФОРМАТОРОВ

Правящая элита оказывалась под возрастающим давлением людей, с которыми она не могла установить элементарное взаимопонимание. Страх стал ее постоянным состоянием. III отделение в 1839 году предостерегало, что «крестьянское сословие есть пороховая мина»²⁸. В 1841 году начальник III отделения А. Бенкендорф предупреждал царя: «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними непрерывно. Эти темные идеи мужиков все более и более развиваются и сулят нечто нехорошее». Власть с большим трудом улавливала некоторые закономерности инверсионного типа. Среди них важное значение имела не только возможность быстрого перехода от покорности к бунту, но и возможность молниеносной локальной обратной инверсии как реакции разочарования в результатах прямой инверсии. Полнейшая покорность после вспышки бунта — довольно частое явление. В жандармском отделении по поводу одного из нападений на кабаки в Самарской губернии сказано, что после инцидента «по требованию полицейского чиновника крестьяне являлись на сход, и из них зачинщики грабежа заключались под стражу без особого возмущения»²⁹. По поводу возмущений, связанных с пожарами, в уже цитированной выше справке III отделения отмечается, что почти во всех местах, где жители возмущались, Перфильев (генерал, которому было поручено расследование на месте) находил их покорными, но собирал их, делал внушения, потом судил виновных. «В селениях, где крестьяне наиболее буйствовали, при появлении генерала Перфильева они являли искреннее в том раскаяние и со слезами на коленях просили пощады...»³⁰. Через двадцать лет, во время питейного бунта, можно было наблюдать аналогичную картину. В рапорте тамбовского жандармского офицера читаем: «Наказания по большей части были весьма умеренные, но при этом все более действовали на умы народа торжественность и строгий порядок, с которыми приступали к разбору и наказанию виновных, так что все они высказывали сильнейшее раскаяние и, на коленях изъясляя

²⁸ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 345. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 31.

²⁹ Крестьянское движение 1827-1869 годов.

³⁰ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С. 350. См. также: Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 27 и след.

покорность, просили прощения в своем проступке». Это сильнейшее колебание настроений создавало для власти возможность сохранить относительный порядок.

Неспособность к взаимопроникновению смыслов крестьянства и власти была мощным препятствием для реформ, для всех планируемых властью и затрагивающих образ жизни крестьян изменений и в определенной степени сознавалась правительством. Николай I писал П. Д. Киселеву, что рассматривает крестьянские волнения как «заблуждение крестьян по случаю распространения ложных слухов о перемене их состояния». Реформаторская деятельность Киселева непрерывно сталкивалась с этим, с его точки зрения, иррациональным, неадекватным реальности поведением крестьян. Например, в 40-50-х годах во многих районах России прошла волна протестов против тех изменений, которые вносились в управление государственным имуществом и касались крестьян, живущих на государственных землях. Крестьяне решили, не имея на это объективных оснований, что их хотели лишить части земельных наделов и перевести на барщину, на положение помещичьих крестьян. «У крестьян вкоренилось прочное убеждение, что их обратят в удельные или помещичьи крепостные. Каждое нововведение Министерства подкрепляло эту мысль и возбуждало страстную жажду сопротивления...» Они отказывались принимать новое Положение, выбирать сельских начальников, подчиняться назначенным чиновникам. Исследования показывают, что волнения «возникли раньше, чем обнаружился результаты новой системы, созданные реформой 1837—1841 годов». Крестьяне видели в самой идее реформ вмешательство в мирское самоуправление³¹. Все действия или бездействие власти, которые могли интерпретироваться крестьянами как проявление по отношению к ним мирового зла, злодейских действий начальства и т. д., имели парализующее значение для реформаторов. *Налицо заколдованный круг как проявление далеко зашедшего раскола. Раскол, непроницаемость смысловых полей крестьянства и правящей элиты заблокировали попытки власти внедрить в повседневную жизнь крестьян прогрессивные инновации.* Эти попытки интересны тем, что шаг новизны в этом случае был невелик. И тем не менее они не прошли. Большинство крестьян не приняло эту ограниченную альтернативу.

Раскол еще более усиливался в связи со сдвигами в массовых настроениях крестьян. Масштабы этих сдвигов могли быть и не очень велики, но, помноженные на численность крестьян-

³¹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 521, 467, 457, 458.

ства, они оказывались фактором первостепенной важности. Определенный поворот крестьянского сознания отразился в фольклоре. В частности, в сказочном творчестве первой половины XIX века усилились мотивы глумления над помещиком, высмеивались его жадность, лень, тупость, что свидетельствовало о падении уважения к нему. В сатирических сказках крепостной мужик, как правило, герой положительный, противостоит барину, персонажу отрицательному. Крестьянское движение приобретает более массовый и стойкий характер.

Росли потребности крестьян. «Земледельческий журнал» в 1832 году писал, что крестьяне начали носить сапоги. Прежде мужик шапку носил всю жизнь и даже оставлял детям в наследство, теперь же он по три раза в год меняет картуз. Крестьяне стали заводить чай и самовары. Журнал отмечает изменение настроений с 1812 года, когда начали ослабляться старые патриархальные нравы. Возникло представление о вольности: «Пить и гулять, сколько душе угодно, не давая никому в поведении своем отчета»³². В литературе того времени говорится об опасности новой пугачевщины. Усилилось недоверие к местной и центральной власти. Не отдельные волнения, а общий «дух неповиновения» усиливал угрозу.

Волнения 1854—1856 годов существенно отличались от волнений 1826 года, возникших на почве слухов о воле и связанных с частными причинами. Теперь волнения возникали независимо от положения в том или ином имении. Крестьяне, уходя «в Таврию за волей», подчас вполне дружелюбно расставались с владельцами. В донесениях с мест учащаются сообщения о случаях неповиновения крестьян, об усиливающемся духе протеста. Шеф жандармов писал в 1858 году, что крестьяне «при ожидании переворота в их судьбе находятся в напряженном состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода»³³. По свидетельству будущего министра А. В. Головнина, лично ознакомившегося с положением в ряде губерний в 1860 году, в крестьянах заметно «нравственное пробуждение и проявление как бы чувства собственного достоинства. Они теперь оскорбляются поступками, которые в прежние времена не оскорбляли их». Далее он говорит о существенном различии между поколениями, о молодежи, которая в скором времени «составит буйную вольницу, какой Россия уже давно не имела и которая доставит правительству много

³² Довнар-Запольский М. В. Крепостники в первой четверти XIX в. // Великая реформа. М., 1911. Т. 2. С. 131-132.

³³ Крестьянское движение 1827-1869 годов. С. 124.

затруднений»³⁴. Донесения с мест обращают внимание на упорное нежелание платить подати. Крестьянство стремилось отклониться от жизненно важной для медиатора функции, т. е. исключить из своей воспроизводственной деятельности воспроизводство государства, большого общества. *Активизация крестьянства проявлялась не в стремлении перестроить государство, а в желании отпихнуться от него, замкнуться в своих локальных мирах. Отход крестьянства от начальства неизбежно заставлял государство укреплять аппарат чиновников и поддерживать дворянство.*

Правящая элита пыталась активизировать творчество тех или иных слоев населения, вдохнуть живые силы в механизм управления, оживить дворянское самоуправление. В 1831 году права губернаторских и уездных дворянских собраний были несколько расширены, вводились штрафы за непосещение дворянами собраний, но это не дало результатов. Стремление власти к некоторому отходу от авторитаризма не встретило поддержки снизу. Дворянство было равнодушно даже к тем правам, которыми оно располагало по закону. Как крестьяне, так и дворяне не проявляли интереса к тому, что находилось за границей их локальных миров. Тем самым они передавали свои прерогативы чиновникам, первому лицу. Слабость, апатия, равнодушие парализующе действовали и на правящую элиту. Реформа, как казалось царю, могла быть единственным выходом. Здесь можно было опереться на авторитет высшей власти, на некоторое количество способных администраторов. Крайне важным обстоятельством, благоприятным для реформ, был рост понимания ценности государственных организаций, понимания ценности службы государству в интересах общества, ценности общества для воплощения личных интересов. Сам царь говорил о себе, что он «смотрит на всю человеческую жизнь как на службу, так как каждый служит». Гоголь писал: «Нужно подумать теперь о том всем нам, как на своем собственном месте сделать добро. Поверьте, что Бог недаром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»³⁵.

Однако эта вера в нравственную необходимость исполнять долг на своем месте, исправно служить обществу в государственной организации омрачалась рядом обстоятельств. Во-первых, она охватывала относительно тонкий элитарный слой. Во-вторых, само это стремление служить еще не оторвалось от

³⁴ Головин А. В. Общие заметки о поездке по некоторым губерниям в 1860 году // Записки научного общества марксистов. М.; Л., 1927. № 7(1). С. 142, 143.

³⁵ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. С. 190.

конструктивной напряженности, нацеленной на неизменность. По словам В. Линкольна, «паралич русской бюрократии середины XIX века усиливался из-за общей инертности и из-за того, что чиновники низших рангов пассивно противились каким-либо изменениям». Это совпадало с общим безразличием к общественным делам. Дворяне избегают выборов, «и скоро надобно будет собирать их жандармами, чтобы принудить пользоваться правами»³⁶.

Отсутствие в обществе достаточно развитого сословия, способного взять на себя ответственность за большое общество, за государственность, неизбежно усиливало значение бюрократии. С 1796 по 1847 год численность чиновников возросла в четыре раза, а с 1796 по 1857 год — почти в шесть раз. Государственный аппарат в первой половине XIX века рос примерно в три раза быстрее, чем население. Причина этого была в усложнении функций общества, которые в значительной степени должно было брать на себя государство. И все же удельный вес бюрократии в стране был невелик.

В Петербурге на 1 000 жителей было всего 1,1-1,3 человека администрации, тогда как в Лондоне и Париже эта величина соответственно составляла 4,1 и 4,8³⁷. Это свидетельствует о слабости якобы всесильного государства. Мировосприятие чиновника, рассматривающего общество как силу внешнюю и чужую, с неизбежностью порождало коррупцию и вместе с тем *конфликт в самом медиаторе*. Вся история государства есть глухая скрытая борьба правящей элиты с массой собственных чиновников.

Именно в этот период учреждения, канцелярии, палаты, конторы приобрели славу разбойничьих притонов. Взятка давно стала формой связи локального сообщества с местными властями. Подношение считалось чем-то естественным, и поэтому дача взятки официально предусматривалась в мирском приговоре, о чем делалась соответствующая запись. Взятка чиновнику по решению мира была системой, что превращало ее в ренту держателя монополии. Из сохранившейся расходной книги старосты одной из деревень владения Орловых И. Иванова (1822 год) видно, что взятки давались по самым различным поводам: при сдаче подушной подати, за выписку квитанции, сторожам, за принятие показаний в суде и т. д. Общая же их сумма составляла более шестой части официальных платежей. Складывалась специальная шкала «по-

³⁶ Сперанский М. М. Письма Сперанского к А. А. Столыпину // Русский архив. 1869. Т. 7. № 9. С. 197.

³⁷ См.: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С. 66-68.

дарков»³⁸. Чиновники не выходили в основном за рамки локальных идеалов, они не могли подняться до понимания необходимости защищать интересы всего общества, до осознания социальной роли чиновника как носителя общественного служения. Следуя локальным и, одновременно, утилитарным ценностям, они разрушали медиатор как организационную силу общества, пытаясь в каждой ее точке подчинить аппарат случайным, личным, местным целям.

«СВЕРХУ — БЛЕСК, ВНИЗУ — ГНИЛЬ»

Силы, казалось бы, могучего государства оказались ничтожно малы для подъема хозяйственного и социального уровня многомиллионного крестьянства, точнее, той его части, которая находилась в непосредственном ведении Министерства государственных имуществ. Государственный аппарат оказался бессильным в деле обеспечения агрономической службой основной массы населения. Врачебная помощь и признание престарелых были организованы в микроскопических размерах. Ежегодно недоборы налогов и сборов возрастали, сумма недоимок за 19 лет реформ выросла на 66%. С мест продолжали поступать сведения о бедности крестьян, их ропоте недовольства, коррупции чиновников. Полная неудача привела к отставке П. Д. Киселева. Новый министр М. Н. Муравьев, как и Киселев, следовал логике хромающих решений, каждый шаг которых частично или полностью отвергает предшествующие решения. Он пытался перевести «свободных сельских обывателей» (государственных крестьян) в условия, в которых находились частновладельческие, сократить их наделы, повысить оброчные платежи, т. е. покончить с «попечительными» преобразованиями³⁹. Но таким способом была лишь подготовлена почва для следующего витка хромающих решений. Потребность в изменениях и одновременно неспособность общества их обеспечить создавали тупиковую ситуацию. Люди, склонные к поверхностным наблюдениям, оценивали положение оптимистически, тогда как более глубокий взгляд на ситуацию породил прямо противоположную точку зрения. Николай I говорил в 1842 году: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его у нас положении есть зло для всех ощутительное и очевидное; но прикасаться к оному было бы злом, конечно, еще более гибельным. ...Я никогда на это не ре-

³⁸ Александров В. Л. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). С. 171-172.

³⁹ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне... С. 575, 289, 517.

шусь... Но... необходимо, по крайности, приуготовить средства для постепенного перехода к иному порядку вещей»⁴⁰. Ясно видно нарастающее осознание бессилия правящей элитой, самим царем, явный страх перед неконтролируемыми последствиями изменений и одновременно признание их необходимости.

Консервативные, застойные тенденции особенно усилились в результате революции 1848 года в Европе, за которой в России последовало наступление правящей элиты на просвещение. Отставка в связи с этим С. Уварова означала поражение интеллигенции, перешедшей на позиции медиатора. Его деятельность показала, что управление наукой и просвещением в условиях раскола содержит в себе постоянную угрозу конфликта, вытекающую из расколотости системы ценностей.

К двадцатилетию царствования Николая I в правящей элите в целом (были и исключения) царили оптимистические настроения. Царь полагал, что «положение России и ее монарха никогда еще, с самого 1814 года, не было более славно и могущественно». Тем не менее подспудные силы, на которые можно было до времени закрывать глаза, подтачивали систему. В стране назревала новая инверсия. Правящая элита, однако, не была к этому подготовлена. Жизнь ускользала из теряющей связь с реальностью системы власти.

Н. Милютин (1818-1872) писал в марте 1856 года новороссийскому генерал-губернатору: «Сердце обливается кровью при чтении ваших депеш... Все, что мы тут (в Петербурге) ни сделали, принесет ничтожную пользу стране». Граф П. Валуев (1815-1890), впоследствии председатель комитета министров, в 1856 году указал на один из наиболее слабых пунктов бюрократической централизации: «Управление доведено в каждой отдельной части до высшей степени централизации, но взаимные связи этих частей малочисленны и шатки. Каждое министерство действует по возможности особняком и ревностно применяется к правилам древней системы уделов»⁴¹. Валуев подметил крайне важное обстоятельство. *Каждый бюрократический институт превращался в особый локальный мир, противостоящий другим мирам.*

М. Корф, главноуправляющий II отделения личной канцелярии царя, полагал, что система могла существовать, без сомнения, лишь потому, что на самом деле большая часть предписаний высшего правительства на местах не исполнялась и действительная жизнь шла врозь с ними. Трудно дать более

⁴⁰ См.: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888. Т. 2. С. 60-61.

⁴¹ Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг.// Русская старина. 1891.

убийственную характеристику управлению, указав на то, что оно могло существовать лишь потому, что его предписания не исполнялись. «Дела обыкновенно шли прекрасно на бумаге, но никто не сверял бумагу с действительностью» (А. Н. Пыпин). На это полнейшее расхождение всей жизни общества и государства указывал И. Аксаков. Он писал о периоде царствования Николая: «„Фасад“ его был действительно блестящий до такой степени, что он и теперь (т. е. в 1884 году) вызывает иногда ретроспективное удивление. Но не даром же сказано было про Россию, что она — страна фасадов и парадов». Граф П. Валув писал: «Сверху — блеск, внизу — гниль»⁴². Можно без конца цитировать авторов, вскрывавших совершенно неестественное противоречие между видимым блеском и внутренней несостоятельностью строя, основанного на умеренном авторитаризме. *В условиях раскола, неорганического существования общество оказывается неспособным воспроизводить себя на основе определенной конструктивной напряженности, на основе органического процесса воспроизводства.* Общество, с одной стороны, вступило на путь изменений, развития, включая развитие самосознания. Но, с другой стороны, оно стремилось ничего не менять, дабы не вызвать неконтролируемых последствий. Например, С. Уваров писал: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовит ей теория, то я исполню свой долг и умру спокойно»⁴³.

Правящая элита оказалась в мучительном противоречии. Опираясь на сословия, она видела, что взаимоотношения между ними требуют изменения, так как растет опасное недовольство крестьян. Однако сместить опору власти достаточно близко к крестьянам было невозможно, так как их локалистские представления мешали воспроизводить государственность.

Усилившийся раскол, неспособность преодолеть коренное расхождение векторов конструктивной напряженности парализовали общество. *Страх перед катастрофой превратился в страх перед изменениями*, а это означало, что *авторитарная система привела к застою*, к отставанию общества от предъявляемых к нему требований извне и изнутри. Политика правящей элиты судорожно металась между исключаящими друг друга принципами, усиливая дезорганизацию. Академик, цензор, тонкий наблюдатель А. Никитенко (1804—1877) писал вскоре после смерти Николая I: «У нас ныне настоящее царство хаоса. Хаос во всем: в администрации, в нравственных началах, в убеждениях. Хаос в головах тех, которые думают

⁴² Дневник графа П. А. Валувца. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891. Кн. 5. С. 354.

⁴³ Цит. по: Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 264.

управлять общественным мнением»⁴⁴. Каждое важное решение в условиях раскола превращалось в собственное отрицание. Система позднего авторитаризма подтачивалась локальными силами даже внутри государственного аппарата. Решение медиационной проблемы оказалось под угрозой, так как массовое сознание уходило из-под влияния государственности. Ставка на силу оказалась ставкой на слабость. Крымская война (1853-1856), в которой Россия выступила против объединенных сил Англии, Франции и Турции, показала всю гнилость режима. Армия технического уровня 1812 года не могла противостоять армиям передовых европейских держав. С. Витте писал впоследствии: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильной при режиме, покоящемся на рабстве»⁴⁵. По определению Витте, николаевский режим завершился «севастопольским погромом». «Мы накануне сильного потрясения, тяжких испытаний,— если не конечного распада того, что доселе называлось Россией. Правительство ежедневно более или менее обнаруживает и свой внутренний разлад, и свое внешнее бессилие. А в тех силах, которые под ним движутся и его колеблят, как мало признаков будущего единства»,— писал П. Валуев в 1859 году⁴⁶. О настроениях, вызванных крымской катастрофой, говорят записки известного дипломата князя А. Горчакова (1798—1883): «Если бы мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндии, остзейских губерний, Кавказа, Грузии и ограничились бы тем, что некогда называлось Великим княжеством Московским».

Массовый отход от власти свидетельствовал о росте социокультурного противоречия между ценностями массового сознания и исторически сложившейся государственностью, о ее нарастающей дисфункциональности. Срединная культура росла, но манихейство оставалось господствующим мировоззрением. Новые утилитарные и либеральные ценности не могли переработать толщу массового синкретизма, что делало положение правящей элиты, стремящейся отстоять некоторые либеральные ценности, все более трудным.

Общество пыталось преодолеть ограниченность синкретизма, использовать элементы либерализма. Они приобрели характер ограниченного культурного плюрализма в образованных слоях, стремления к реформам, к техническому и экономическому развитию и т. п. Элементы либерализма играли

⁴⁴ Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 38.

⁴⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2.

⁴⁶ Дневник графа П. А. Валуева. 1847-1860 гг. // Русская старина. 1891. Окт. С. 140.

роль, по крайней мере отчасти, некоторого критического фактора, некоторой потенциальной возможности, которая могла организационно воплощаться в тех или иных случаях, например, в законодательных актах, несколько ослаблявших давление на крестьян. Либерализм, следовательно, выступал и как некоторый внутренний элемент господствующего идеала, и одновременно как некоторое неофициальное движение, претендующее на то, чтобы вырабатывать на основе мирового опыта некоторую альтернативу вариантам вечевоего идеала, альтернативу инверсии.

В конечном итоге государственность была вынуждена опереться на иллюзии совпадения реальности большого общества с мифами синкретического сознания, что и воплощалось в официальной идеологии единства православия, самодержавия и народности. Провозглашая это единство, идеология тем самым скрывала реальность раскола. Таким образом, государство само оказывалось во власти мифов и, следовательно, не могло предотвратить уход широких масс из-под влияния государства, рост общей социальной дезорганизации общества, а значит, и банкротство господствующего идеала, его смену на противоположный, распад внешней и внутренней политики. Государство, пытавшееся реализовать новую альтернативу, оказалось бессильным перед бездонным морем повседневности миллионов, не вышедших за рамки альтернативы инверсионного типа.